

12. Эко У. Поэтики Джойса. СПб., 2006. 490 с.
13. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.
14. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2014. 284 с.

Inyushina I. A.

BOOK IN A VISUAL SEMIOLOGY OF UMBERTO ECO

The article proposes the consideration of the book as one of the objects of visual semiology of Umberto Eco and as the subject of book art. We understand a culture as a semiosis. The book is a special part of communication and human practices in this context. Special fonts, Bukovica, ornaments and miniatures, marginalia, binding etc. are not just aesthetic elements, but iconic signs that convey information about the different types of culture. Particular importance to the visual aspect of the book gets in the intellectual circles of bibliophiles, to build on the basis of iconic signs reading entire narratives.

Key words: *book, book art, visual semiology, communication, sign, connotation, hypotyposis, ekphrasis.*

Техническая герменевтика и семиотика^{*}

Нестеров А. Ю.

Россия, Самара, Самарский университет, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии

Вопросы технической герменевтики, то есть конкретных техник, позволяющих снять ситуации непонимания, и общей теории знаков, для меня оказались сплетены 10 лет назад, во многом под влиянием работ Гунтера Шольца. Сейчас я рад вернуться к сформулированным тогда тезисам и констатировать, что семиотический подход

---

^{*} Впервые статья была опубликована в сборнике: Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе / науч. ред. Н. Т. Рымарь. Самара: Самар. гуманит. акад., 2010. 338 с.

оказался исключительно продуктивным для фиксации не только рецептивных, но и проективных процессов, то есть ситуаций не только понимания, но и выражения, создания нового, творчества и техники. В тексте обсуждаются два вопроса. Во-первых, это вопрос о переводимости проблематики технической герменевтики в вопросы семиотики и аналитической философии, т. е. может ли проблема понимания и интерпретации, как она известна европейской герменевтической традиции с Блаженного Августина и Фридриха Шлейермахера, быть выражена посредством языка семиотики XX века. Во-вторых, это вопрос о последствиях такого рода перевода (если он возможен) для категорий знака и понимания в рамках единой науки (используя термин «единая наука», мы перенимаем цели и задачи философского исследования, как они сформулированы в Венском Кружке) или единой модели коммуникации.

Ключевые слова: техническая герменевтика, семиотика, понимание, значение, смысл

Общая классификация понятия «герменевтика», лежащая в основании настоящего рассуждения, сформулирована проф. Гунтером Шольтцем [16, S. 93-119]. Она включает техническую герменевтику, философскую герменевтику и герменевтическую философию. Техническая герменевтика формулирует правила, которым необходимо следовать, чтобы добиться понимания чего-то. Философская герменевтика приводит основания, в соответствии с которыми правила, сформулированные технической герменевтикой, могут быть объяснены в контексте определённой парадигмы. Герменевтическая философия позволяет рассматривать вопрос о бытии, т. е. онтологический вопрос, используя терминологический контекст учения о понимании и интерпретации.

Если применить к общему полю герменевтики модель Р. Коллингвуда^{*}, в соответствии с которой нечто (некоторый текст) может быть понято лишь тогда, когда понят вопрос, ответом на который является именно данное нечто (данный текст), то необходимо указать на то, что собственный вопрос герменевтики есть вопрос технической герменевтики. Это вопрос о технике понимания, которая должна

---

^{*} Модель Р. Коллингвуда используется в интерпретации Г.-Г. Гадамера. См. [9, S. 376-384].

быть сформулирована или заново открыта каждой новой эпохой (и каждым отдельным человеком), чтобы впоследствии быть объяснённой или послужить фундаментом некоторой онтологической модели. В соответствии с этим любое сущностное (эссенциальное) определение понимания как ответ на вопрос «что есть понимание?» опирается на функциональное определение как ответ на вопрос «что делает понимание?».

Вводя понимание в контексте технической герменевтики как некоторую деятельность, можно увидеть в истории определения этого понятия два контекста, на фоне которых обычно раскрывают его содержание. Первый контекст образуется теорией познания берёт своё начало с определения, данного Августином (Цит. по: [20, с. 10]), где понимание есть переход от знака к его значению. Вторым контекстом образуется теория коммуникации и подразумевает дефиницию Фр. Шлейермахера [15, S. 93], в соответствии с которой понимание есть воссоздание данной нам речи. Все влиятельные технические определения понимания восходят к одному из этих двух контекстов. Среди последователей Августина в XVIII веке следует в первую очередь указать на Фридриха Майера [11, S. 5], который в первом параграфе своей «Попытки об общем искусстве интерпретации» даёт дефиницию искусства интерпретации как науки о правилах, при учёте которых в широком смысле можно познавать значения на основании их знаков, а в узком – смысл на основании речи. На рубеже XIX и XX веков Вильгельм Дильтей [7, S. 318] занимает гносеологическую позицию, определяя понимание как процесс, в котором внутреннее познаётся на основании знаков, даваемых человеку чувствами извне. В контексте теории коммуникации следует указать на влиятельных мыслителей XX века, Людвига Виттгенштейна [18, S. 262, 449] и Ганса Георга Гадамера [9, S. 346ff.], предложивших определять понимание как применение языка.

Чтобы решить вопрос о том, является ли понимание деятельностью, связанной скорее с познанием или же с коммуникацией, а также какую функциональную нагрузку эта деятельность несёт в соответствующих предметных средах (окружениях), необходимо поставить более общий вопрос о соотношении познания и коммуникации. Среди теоретиков герменевтики XX века этот вопрос был поставлен в первую очередь Вильгельмом Дильтеем [6, S. 256-263] и Эмилио Бэтти [1,

S. 13], первым – через разграничение элементарных и высших форм понимания, вторым – через чёткое противопоставление интерпретации и понимания.

Для Дильтея элементарное понимание представляет собой «толкование единичного выражения жизни», которое опирается на «базовое отношение выражения... к тому, что в нём выражено». Элементарное понимание возможно по аналогии. Высшее понимание подразумевает индуктивный вывод, позволяющий из ряда данных выражений понять целое. Высшим пониманием является, например, осуществление переживания, вызываемого поэтом в своём слушателе. В более точных терминах элементарное понимание есть отношение выражения к выраженному, а высшее – отношение творения к творящему [6, S. 256-263]. Принимая во внимание сформулированную Дильтеем в 1887 г. модель эстетической коммуникации [5, S. 103-241], можно было бы сказать, что высшее понимание есть одновременно процесс и результат данной коммуникации, а именно переживание читателем переживания поэта. Понимание как познание отдельных фактов становится, таким образом, пониманием как познанием целого (или же познанием единичного посредством целого).

Легко увидеть, что определённое Дильтеем в терминах теории познания понятие понимания описывает обращение сознания с единичными знаками (элементарное понимание) и знаковыми структурами (высшее понимание). Знаменитое противопоставление объяснения и понимания обозначает только лишь разницу между работой сознания со знаками (понимание как таковое) и с фактами, которые не являются знаками (объяснение). Из него вырастает различие между науками о природе и науками о духе, так что первые носят коммуникативный характер и требуют понимания, а вторые дескриптивны и потому довольствуются банальным объяснением.

Критику двух предложенных Дильтеем форм понимания можно сформулировать двояко. Во-первых, аналогия, на которую опирается элементарное понимание, также является формой индуктивного вывода, так что элементарное понимание также строится через некоторое целое – для самого Дильтея таковым является целое практической жизни и практических потребностей. Таким образом, совершенно не ясно, чем технически (или структурно) отличается это элементарное целое от высшего. В терминах Бл. Августина высшее понимание было бы необ-

ходимо тогда, когда при переходе знака к его значению последнее для реципиента вновь оказывается знаком. Речь идёт, таким образом, о количественном, а не о качественном различии. Во-вторых, отношение выражения к выраженному, конституирующее элементарное понимание, должно сохраняться и во всех высших формах понимания, чтобы понимание было возможным. Если выраженное элементарно само становится выражением, которое выражает невыразимое, целое или идеал, это означает скорее усложнение структуры понимания в его отношении к себе, нежели применение доселе не задействованных форм или механизмов. В собственном смысле предложенное Дильтеем разграничение между элементарными и высшими формами понимания ставит вопрос о том, как коммуникация связана с опирающимся на представление познанием, т. е. как может быть сообщено эстетическое переживание или историческое знание (термин И. Канта), или знание-по-описанию (термин Б. Рассела). Эта та проблема, которая в «Общей герменевтике» Фр. Шлейермахера является основанием т.н. технического понимания или «понимания из говорящего»; само же разграничение двух форм понимания (описывающее, в отличие от герменевтики XIX в., разницу между пониманием знаков с фиксированным и произвольным значением) известно и герменевтике XVIII в. – у Фр. Майера его можно обнаружить как разграничение природных знаков (область природы, создателем которой является бог) и произвольных знаков (область социальной жизни, создателем которой является человек) [11, S. 17-41]. Чтобы продолжить это рассуждение, необходимо сказанное выразить в терминах современной семиотики.

Отношение между выражением и выраженным есть отношение референции, связывающее знак с его значением, т. е. с некоторой вещью. Тождество (или как минимум параллелизм) между современным понятием референции и определённым в терминах теории познания пониманием можно найти, как упоминалось, уже в определении Бл. Августина. Оба понятия являются метафизическими, поскольку могут быть определены исключительно с помощью герменевтического круга (или, чтобы употребить термин математики и философии науки, рекурсивно). Вопрос в том, продуктивно ли это тождество в XX веке, после т. н. лингвистического поворота (термин аналитической философии, предложенный М. Даммитом). Бинарная семантика, из которой исходит традиция Бл. Августина и которая была фундаментом герме-

невтики XVIII века как науки об истолковании, благодаря Готтлобу Фреге [8] замещается в конце XIX века троичной семантикой, включающей не только знаки и значения, но и смыслы. При применении этой троичной семантики к технической герменевтике возникает вопрос: имеет ли понимание дело с значением знака или с его смыслом?

Мы не можем в рамках статьи подробно рассмотреть историю понятий значения и смысла. Понятие значения, как представляется, и в XVIII веке обладало тем же содержанием, что и сейчас (исключением для XX века является лишь структуралистское понимание значения как места в системе). Понятие же смысла может быть определено как минимум тремя способами*, из которых наше рассуждение использует исключительно модель Г. Фреге. Значение есть то, что делает знак или предложение истинным или ложным. Смысл есть то, посредством чего знак обозначает своё значение. Понимать можно не только истинное, но и ложное, поэтому понимание следует определить как воссоздание (реконструкцию) способа данности значения, но никак не самого значения. Этому соответствует сформулированное Э. Бэtti [1, S. 12-20] и позднее Акселем Бюлером [3, S. 119] разграничение между истолкованием (интерпретацией) и пониманием. Интерпретация занята выявлением значений знаков, т. е. обозначаемых предметов, и способна быть истинной или ложной. Понимание есть восстановление связи между предметом и его именем, и как таковое оно не в состоянии быть истинным или ложным. Если теперь отождествить таким образом определённое понятие интерпретации с понятием познания, то можно утверждать, что понимание как реконструкция зависит от познания, однако не может быть им всесторонне определено и тем более не может быть с ним отождествлено.

Благодаря этим банальным, однако необходимым дистинкциям, мы можем вернуться к вопросу о том, как понимание связано с познанием и коммуникацией. Схема коммуникации всегда выглядит достаточно просто, включая отправителя, сообщение (коммуникативный знак) и получателя. Коммуникативный знак или сообщение обозначает с помощью структуры языка действительный предмет или значение. Можно задать ряд простых вопросов, которые прояснят проблему по-

---

* Понятие смысла у Фр. Майера обозначает значение речи, у Г. Фреге – способ данности значения, у Г. Шпета – выбор одного значения из предлагаемого словарём ряда.

нимания в процессе коммуникации как проблему действительности. Во-первых, где находится значение? И во-вторых, какие механизмы позволяют значению оставаться тем же самым для отправителя (автора) и получателя (интерпретатора)?

Вопрос о местонахождении значения (или о том, где располагаются обозначенные предметы), как представляется, имеет только один ответ. Предметы локализованы в сознании познающего их человека, т. е. значения принадлежат опыту индивида и подлежат тем самым т.н. проблеме привилегированного доступа к собственным состояниям сознания. Следствием данного ответа является тот факт, что никто кроме автора не знает, какие действительные значения он обозначил коммуникативным знаком. Второе следствие заключается в том, что значения сообщения для автора и интерпретатора всегда различны, что зачастую приводит к выводу и о разности подлежащего пониманию смысла. Это фундаментальное положение философской герменевтики: нельзя понять другого человека так, как он сам себя понимает, только иначе (например, лучше), через применение к собственной ситуации. Семиотическое основание этого положения лежит, как мы видели, в области теории познания и в неспособности разделить смысл и значение (в более общем смысле это неспособность классифицировать типы семиозиса), что в контексте онтологии приводит к языковому монизму в смысле позднего М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера (как известно, «всё, что может быть понято, – это язык» [9, S. 479]). Если же смысл и значение получают свои семиотические дефиниции по Г. Фреге, то сразу возникает возможность позитивной (изначально не метафизической) гипотезы, объясняющей возможность коммуникации с точки зрения теории познания. Поскольку очевиден тот факт, что люди как минимум что-то познают и понимают одинаково, ведь иначе вообще не было бы ни коммуникации, ни общего языка.

Предположим, в соответствии с семиотической традицией XVIII и XX вв., что то нечто, которое может быть одинаково познано и понято всеми людьми, – это семиотические механизмы познания и понимания, т. е. то что делает возможным перенос познаваемых и понимаемых содержаний. В контексте данного предположения кажется вероятным, что механизмы, обеспечивающие перенос содержаний (значений или действительности) из внешнего во внутреннее для человека, т. е. механизмы познания, аналогичны механизмам коммуникации, обеспечи-

вающим перенос значений от одного человека к другому. В соответствии с данной аналогией мы предлагаем вместо противопоставления элементарных и высших форм понимания использовать семиотическую антитезу между гносеологическими и коммуникативными знаками.

При переформулировании классической герменевтической оппозиции средствами современной семиотики следует учитывать, что эти термины являются элементами языка-объекта, обозначающими деятельность познания и коммуникации (но не способы говорения о них). Употребление понятия знака как обозначения и познания, и коммуникации подразумевает их структурное подобие. При указанных предпосылках формулируется наша гипотеза об объединяющей познание и коммуникацию взаимосвязи: *Коммуникативный знак (сообщение) в качестве значения может обозначать только те предметы, которые сами обладают структурой знака.* Данная гипотеза*, сформулированная в качестве правила референции, позволяет исключить все несемиотические отношения между выражением и выраженным и таким образом предложить систематическую модель познания, коммуникации и понимания.

Данную модель мы можем представить в настоящем тексте лишь в предельно сокращённой форме†, показав границы её применимости, включая преимущества и недостатки с точки зрения технической герменевтики.

В первую очередь необходимо ввести типологию возможных значений коммуникативного знака, т. е. структуру гносеологических знаков. В грубом приближении она будет включать три типа гносеологических знаков, соответствующих трём возможным видам предметов человеческого сознания. Данную типологию можно получить, задавая вопрос о том, что именно обозначается гносеологическим знаком. Так как каждый знак замещает, репрезентирует или представляет своё значение, если он его обозначает, соответственно исходный вопрос может выглядеть и так: что именно замещается гносеологическим знаком?; что является внешним для человеческого сознания?

---

* Основанием данной гипотезы служат известные конструкции философии языка XX в. Во-первых, идея общей логической формы или формы отражения Л. Виттгенштейна. [19, S. 16,33.]; Во-вторых, идея единой формы осуществления символических функций Э. Кассирера. [4, Bd. 11-13.]; В-третьих, идея бесконечного семиозиса Ч. С. Пирса (См.: [13, S. 59-70, S. 62ff.].

† Более подробно наша точка зрения изложена в работе [12].

Поскольку философской традиции, начиная с Платона, известно два вида внешнего: внешнее, репрезентируемое чувственным восприятием (эмпирическое познание или познание фактов), и внешнее, репрезентируемое умозрением или спекуляцией (познание идей или истин), – постольку первый тип гносеологического знака есть чувственные данные, например цвет, запах и т. п., а второй тип – понятия или идеи, например бог, дух и т. п. Третий тип гносеологического знака (в терминах немецкой классической философии) соответствует предметам. Первые два типа знака принадлежат индивидуальному и тем самым некоммуницируемому сознанию (т. е. не подразумевают необходимой связи языка и сознания), третий же тип есть соединение элементов сознания с элементами языка. Примером могут служить сформулированные философией языка XX в. абстракции языка, с необходимостью обладающего семантикой, такие как «примитивный язык» или «языковая игра» Л. Виттгенштейна, «язык протокольных предложений» Рудольфа Карнапа, «естественный язык» в структурализме или «язык-объект» Альфреда Тарского*. Очевидно, что в этих абстракциях мир объектов схватывается одновременно и языковым, и феноменологическим образом.

Если сказанное верно, то сообщение (коммуникативный знак) может в соответствии с нашей гипотезой обозначать один из трёх гносеологических знаков†. Это подразумевает, что интерпретатор при истолковании всегда вынужден выбирать между тремя видами действительности. Понимание, реконструирующее смысл, должно, таким образом, в своей технической части (термин Фр. Шлейермахера [14, S. 1296 ff]) выбирать одно из как минимум трёх значений как конститuant данного смысла. Классические правила понимания (а техническая герменевтика есть наука о правилах), подразумевающие ступенчатость процесса понимания (например, правила средневековой экзегезы или современные системы правил Вольфганга Кюнне [10, S. 61-78] или Мераба Мамардашвили [21] и т. д.) должны формулироваться не в качестве правил собственно понимания, а в качестве правил коммуникации; где коммуникация подразумевает сначала устанавливающий значения акт познания или (пусть даже бессознательный) акт интерпретации и

---

* См. обзор [2].

† Это предельно просто членение, не включающее данные косвенного познания и предметы, конституируемые эстетическим переживанием.

лишь потом акт понимания как воссоздание взаимосвязи между установленным в интерпретации значением и использованным языком.

Принятие предлагаемой схемы означает, что наряду с сугубо языковым смыслом, который исследуется, начиная с Фр. Шлейермахера, в рамках грамматической интерпретации (понимание из языка) и уже позволив логике XX в. алгоритмически упорядочить переходы от синтаксиса к семантике, может быть формализован и упорядочен в т.н. психологический или феноменологический смысл (т. е. неязыковый смысл или смысл, подразумевающий необходимый переход от языка к сознанию). В общем смысле мы оцениваем предлагаемую систему как возможность найти позитивное решение метафизической проблемы отношения между языком и сознанием с помощью семиотики XX в. и технической герменевтики, как она разрабатывается с XVIII в.

Недостаток или граница применимости предложенной модели является общим для всех закрытых систем (закрытые системы суть те, что содержат правила своего применения). Невозможно задать вопрос о внесемиотических основаниях, с помощью которых можно было бы установить, что некоторое значение обозначено знаком истинным образом, поскольку эти основания и есть собственно сами семиотические механизмы. Этот факт делает основания семиотического описания метафизическими. В логическом смысле к результатам семиотического описания нельзя применить корреспондентскую теорию истины, только когерентную или консенсную. Однако данный факт нельзя расценивать как недостаток, скорее как свойство системы, поскольку и у А. Тарского, основателя современной семантической теории истины, собственно о корреспонденции речь не идёт*.

Литература

1. Betti E. Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre. Tübingen, 1988. S. 13.

---

* У Тарского [17] речь идёт о переносе т.н. «эквивалентности формы Т», связывающей метаязык и язык-объект, на отношение языка-объекта к действительности: «Высказывание истинно, если оно исполняется всеми предметами, иначе ложно». Однако если не доказано или эксплицитно не сформулировано в качестве предпосылки, что структура действительности совпадает со структурой языка, подобный перенос является нарушением закона тождества посредством аналогии.

2. Blume T., Demmerling C. Grundprobleme der analytischen Sprachphilosophie: von Frege zu Dummett. Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 1998.
3. Bühler A. Die Vielfalt des Interpretierens // Bühler A. (Hrg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003. S. 119.
4. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen // Cassirer E. Gesammelte Werke, Hamburg, 2001, 2002, Bd. 11-13.
5. Dilthey W. Die Einbildungskraft des Dichters. Bausteine für eine Poetik // Dilthey W. Gesammelte Schriften VI. S. 103-241.
6. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. F.a.M., 1981. S. 256-263.
7. Dilthey W. Die Entstehung der Hermeneutik // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 5. Stuttgart 1957; 1961. S. 318.
8. Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Frege G. Funktion, Begriff, Bedeutung. Göttingen, 1980.
9. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Tübingen, 1990. S. 376-384.
10. Künne W. Verstehen und Sinn. Eine sprachanalytische Betrachtung // Bühler A. (Hrg.) Hermeneutik. S. 61-78.
11. Meier G. Fr. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. Hamburg, 1996. § 1. S. 5.
12. Nesterov A. The Concept 'Sign' in the Context of Cognition, Communication and Aesthetical Experience (in Russian). Analytica, Vol. 1, Issue 1, 2007. P. 37-49. URL: <http://www.philosophy.ru/analytica/eng/index.htm>
13. Nöth W. Handbuch der Semiotik. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 2000. S. 59-70. S. 62ff.
14. Schleiermacher F.D.E. Die allgemeine Hermeneutik // Internationaler Schleiermacher-Kongress Berlin 1984. Berlin, New York, 1985. S.1296ff.
15. Schleiermacher F. D. E. Hermeneutik und Kritik. Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. Fa.M., 1977. S. 93.
16. Scholtz G. Was ist und seitwann gibt es "hermeneutische Philosophie"? // Dilthey-Jahrbuch. Bd. 8 / 1992-93, Göttingen, S. 93-119.
17. Tarski A. Die semantische Konzeption der Wahrheit und die Grundlagen der Semantik // Skirbekk G. (Hrsg.) Wahrheitstheorien. F.a.M.: Suhrkamp, 1977. S. 140-188, S. 156-157ff.
18. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden, Bd. 1 Tractatuslogico-philosophicus. F.a.M., 1999. § 43. S. 262, 449.
19. Wittgenstein L. Tractatuslogico-philosophicus // Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden, Bd.1 Tractatuslogico-philosophicus. F.a.M., 1999. § 2.18, 4.121. S. 16, 33.
20. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
21. Мамардашвили М. К. К пространственно-временной феноменологии событий знания // Мамардашвили М. К. Стрела познания. М., 1997. С. 281-297.

Nesterov A. Yu.

TECHNICAL HERMENEUTICS AND SEMIOTICS

Questions of technical hermeneutics, that is, specific techniques that help to remove the situation of misunderstanding, and the general theory of signs, for me were woven 10 years ago, largely influenced by the work of Gunther Scholtz. Now I am glad to return to the theses formulated at that time and to state that the semiotic approach proved to be exceptionally productive for fixing not only receptive but also projective processes, that is, situations not only of understanding but also expression, creation of new creativity and technology. The text discusses two issues. First, it is a question of the transferability of the problems of technical hermeneutics to questions of semiotics and analytical philosophy, that is, can the problem of understanding and interpretation, as it is known to the European hermeneutic tradition from Blessed Augustine and Friedrich Schleiermacher, be expressed through the language of semiotics of the 20th century. Secondly, it is a question of the consequences of this kind of translation (if possible) for categories of sign and understanding within a single science (using the term: “single science”, we adopt the goals and tasks of philosophical research as they are formulated in the Vienna Circle) or a single model of communication.

Key words: *technical hermeneutics, semiotics, understanding, meaning, meaning.*

Об особенностях языка литературоведения

Силантьев И. В.

Россия, Новосибирск, доктор филологических наук,
директор Института филологии СО РАН

В статье рассматриваются особенности представления знания в языке литературоведения в связи со спецификой литературоведческого дискурса как такового. Литературоведение – это дискурс смыс-